

Степан Устьянцев

*Руководитель: Алевтина Иннокентьевна Смолина,
учитель истории, школа. № 4*

ВЗГЛЯД НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ НА РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ПОЛЯКОВ В ПЕРИОД 1936-45 гг.

Введение

Родившись и прожив в Котласе немного-немало 17 лет, окончивая школу, стоя на пороге вступления в новую жизнь, я радовался тому, что родился в России - огромной стране с большими возможностями, где есть все для того, чтобы стать если не гениальной личностью, то высококлассным и востребованным специалистом. В стране, где есть университет Дружбы Народов. В стране, которая, как «кипучая и могучая», помогала маленькой и слабо развитой Кубе, африканской Анголе - и т.д. В стране, которая, в конце концов, победила в такой чудовищной по своей масштабности войне, как Великая Отечественная! Мои патриотические чувства к Родине несколько поостыли, когда серьезно и углубленно я занялся изучением архивных материалов о депортации и репрессиях поляков 1939-1945 годов. **Целью** моей работы было выяснить следующее. *Что явилось предпосылками советскому руководству для репрессий поляков 1939-1945 годах? Узнать примерное количество поляков, депортированных в СССР, их действительное положение в лагерях и поселениях. Истинное отношение советских людей в условиях тоталитарного и мобилизационного режима, созданного культом Сталина, к ссыльным. Попробовать сформулировать свое мнение об этих событиях не как ученика и гражданина России, а, прежде всего, как Человека - существа разумного.*

1. Начало депортаций

Поляков начали депортировать в предвоенные годы, ещё в начале 1936 года, в порядке очищения районов, граничащих с Польшей. Тогда их вместе с немцами (всего около 45000 человек) переселяли из Украинской ССР в Казахстан, где они были расселены в специально созданных поселках и организованы в колхозы, а часть трудоустроена в совхозах и местных колхозах

[1, 2]. Их трудоустраивали, выделяли жильё, а частникам разрешали перевозить всё свое хозяйство и имущество. Сельхозартели, организуемые из переселенцев, и индивидуальные хозяйства переселенцев были освобождены от всех налогов, сборов и поставок государству до 1940 года [1, 2]. На первый взгляд, читая секретные документы 1936 года о переселении поляков, в которых сказано о потраченных Союзом СССР 23 млн. руб. на эту акцию, складывается мнение, что правительство проявило заботу о своих согражданах. Но так ли это? В преддверии второй Мировой войны, после заключения Германией «антикоминтерновского пакта» с Японией и Италией против СССР, советское руководство прежде всего должно было укрепить границы с запада и исключить всякую возможность проживания там поляков и немцам не только сотрудничать с Германией, но и вернуться на свою родину. А также «великий стратег» Сталин пополнил будущую армию бесплатных рабочих. Но это ли было генеральной репетицией к созданию огромного военного лагеря с мобилизационным режимом на территории всего Союза?!

2. Польские военные в советском плену

Вторая волна переселений связана с началом второй Мировой войны и аннексией в 1939 году части Польши Советским Союзом. Шёл 17-ый день войны Польши с Германией, из-за численного и качественного превосходства немецких войск польские войска вынужденно отступали и сосредоточились вблизи советско-польской границы, когда СССР нанёс предательский удар в спину. Большинство польских военных попало в советский плен, и лишь немногим удалось уйти в Румынию. Военнопленные были распределены в лагеря в конце 1939 года. Однако весной 1940 года началась ликвидация офицерских и полицейских лагерей (Старобельск, Козельск, Осташков), а также лагерей в южных шахтерских областях (Еленовка, Каракуб, Кривой Рог, Марганец, Запорожье). Руда и уголь, добытые польскими военнопленными, шли в Германию вплоть до середины 1941 года! Это и стало причиной забастовки военнопленных лагеря в Марганце, так как они не хотели работать на пользу Германии. Как были наказаны забастовщики, и изменился ли численный состав лагеря, остается только гадать.

3. Жизнь на поселении

В феврале 1940 года на восток отправились эшелоны со 140 000 спецпереселенцами из числа осадников и их семей [4]. Их разместили в 21 краях и областях [4] для трудового использования в спецпосёлках из расчёта от 100 до 500 семей на один посёлок [5]. Предполагалось выделить каждой семье отдельную комнату или отдельное место в бараке из расчета не менее 3 кв. м. жилой площади на человека [5]. На самом же деле в бараках приходилось всего по полтора-два метра на человека, в ряде поселков люди спали на полу или общих нарах [6]. Медицинское обслуживание ввиду отдаленности ряда поселков было затруднено.

Среди спецпоселенцев было много больных, не изолированных от здоровых людей [6]. Плохое питание и частые вспышки сыпного и брюшного тифа и других болезней привели к тому, что с момента прибытия на спецпоселение и до 1 июля 1941 года умерло 12313 человек [6]. В поселках Архангельской области (где по состоянию на конец марта находилось около 42000 спецпереселенцев-осадников), было до 400 семей, не имеющих в своем составе трудоспособных и подлежащих размещению в детсадах и яслях. Значительное число детей (2045) не посещали школу [5, 6]. Все трудоспособные спецпереселенцы-осадники, начиная с 12 лет, были обязаны заниматься общественно-полезным трудом [5]. Спецпереселенцы и их семьи, вселенные в спецпосёлки, не имели права выезда за пределы административных районов. Даже перемещение в пределах поселка из одного барака в другой допускалось только с разрешения коменданта [5].

В апреле 1940 года в соответствии с постановлением Политбюро партии от 2 марта началась третья волна переселений - это административно-высланные: 61 тысяча членов семей репрессированных польских «офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников и участников контрреволюционных повстанческих организаций». Административно-высланные не попали в спецпосёлки НКВД, а были расселены в основном в колхозах, совхозах и рабочих поселках различных предприятий в шести областях Казахстана. Причем, в отличие от спецпереселенцев-осадников и беженцев, административно-высланные проживали вместе с местным населением.

Четвёртый поток депортируемых, пришедший на конец июня - начало июля 1940 года, составили спецпереселенцы-беженцы. Это лица, нелегально прибывшие в западные области УССР и БССР с польских территорий, оккупированных немцами. Почти на 85 % это были евреи, искавшие спасения от нацистского террора [3]. В общей сложности депортации в глубь страны подверглось около 100 тысяч еврейских беженцев. В основном их этапировали на лесозаготовки Европейского Севера России. Работали они без всякого учета своих профессий и навыков, трудились там, где поставят. А ставили, как правило, на лесоповал. Спецпереселенцы-беженцы настойчиво требовали предоставления работы по специальности и перевода в городскую местность [8]. В результате НКВД в своих предложениях по улучшению хозяйственно-бытового устройства беженцев даже допустил возможность проживания беженцев-специалистов вне спецпоселков (в пределах области расселения), и в июне 1941 года такое решение было официально принято в Архангельской области [8].

Нередко посёлки спецпереселенцев находились на расстоянии 10-15 км от лесозаготовок, куда люди должны были ходить пешком, к тому же не все были обеспечены тёплой одеждой и обувью [7]. Например, в Няндомском районе Архангельской области из 1549 спецпереселенцев, используемых на работе, почти половина не имели обуви [7]. В Виноградовском районе, из-за отсутствия обуви не работали свыше 100 человек [7]. Не всегда бараки были подготовлены к зиме, иногда печи не сложены, окна не застеклены. Но даже в

застеклённых бараках температура была очень низкой и переселенцам приходилось спать в одежде, кишевшей вшами. В некоторых спецпоселках Вельского и Коношского районов Архангельской области бараки, столовые, медпункты, бани и другие коммунальные помещения не были оборудованы необходимым инвентарем [7]. Многие из них не освещались из-за отсутствия керосиновых ламп [7]. Школы, где занимались дети спецпереселенцев, были переполнены, не имели в достатке школьного инвентаря, учебников и ученических принадлежностей [7]. Но не все дети переселенцев ходили в школы. Однажды комендант одного из посёлков встретил двух детей в учебное время, спросил их, почему они не в школе. И получил ответ: «Умереть можно и неграмотными!». Одной из многочисленных причин смертей людей был голод. Того, что зарабатывали спецпереселенцы, не хватало для нормального существования. Насколько нечеловеческими были условия труда, мы узнаем из коллективного письма 152 переселенцев из райлеспункта Ильма Елецкого района Архангельской области, направленного 7 августа 1940 года в ЦК ВКП (б): «Мы работаем босыми в болотах до колен, зарабатывая до трех рублей в день, при очень плохом отношении к нам, работая вместе с различными преступниками. Мы все люди с профессиями; работая по своей специальности, могли бы зарабатывать значительно больше, принося пользу советской власти... На наше обращение к нашим начальникам с просьбой об улучшении нашего положения, они отвечают: умирайте, достаточно земли здесь для того, чтобы вас похоронить...» Работники НКВД и комендатуры относились к спецпереселенцам как к осуждённым, но местные жители старались всячески помогать переселенцам, даже в первые месяцы войны, когда самим не хватало продуктов. Вспоминает Казимеж Зиберт: «Это были добрые, честные, трудолюбивые люди - люди, солидарные в той трагедии, которая постигла каждого из нас и поставила в один ряд, плечом к плечу!». Читаю воспоминания Збигнева Недзведзки: «Русские были разные: мимо комендатуры или коменданта даже проходить боялись, уж лучше стороной их обождать. А вот местные к нам относились по-доброму. Благодаря им и выжили» [9].

Я рад и горд, потому что надеялся, что даже в режиме «морально-политического единства» культа Сталина, советские люди не потеряли ни здравый смысл, не забыли библейскую заповедь: «Сильный - да поможет слабому!» И, конечно, выжили они и потому, что рядом были такие люди, как поляк Станислав Микке и другие, которые не только защищали поляков от комендатуры на поселениях, но и поддерживали в них надежду на то, что Польша не погибла, и главное - веру в скорое их освобождение! Замученному НКВД Станиславу Микке на кладбище Макариха установлена памятная табличка, а всем полякам, погибшим во время ссылки, установлен памятник!

4. Долгожданная свобода

12 августа 1941 года, в связи с соглашением Советского Союза с Польшей о совместной борьбе с Германией, появился Указ об амнистии польских граждан, в том числе и политических. Вот, казалось, и мукам конец. Однако

сотрудники НКВД как могли, старались воспрепятствовать выезду, предлагая им советские паспорта, а при отказе предлагалось доказать, что они выходцы из Польши. Так многих поляков записали в белорусы и украинцы, а тех, кто не соглашался с такими решениями - приговаривали к двум годам лишения свободы, за отказ от принятия советского гражданства! Я думаю, что это прямое свидетельство подготовки сокрытия фактов о численности поляков или своего рода реабилитации НКВД в глазах будущей мировой общественности. Таким образом, мы уже не можем говорить о точной цифре депортированных поляков! Как свидетельствуют документы, национальный состав спецпереселенцев был разнородным. Из высланных в Ленский район примерно половина были русскими, треть - белорусы и поляки, были люди и других национальностей. Плечом к плечу, как на фронте, больные, голодные, в жестокий мороз и в промозглую северную осень валили лес, прокладывали железную дорогу, строили мосты и бараки - русские, украинцы, поляки, белорусы, молдаване, чуваша, татары, казахи и мордва. Трудно представить, что «золотой» фонд Польши, в своем большинстве образованные и знающие люди - профессора, ученые, писатели, преподаватели, врачи - осваивали советский Север в лучшем случае инженерами, а в основном - слесарями, клепальщиками, монтажниками и просто рабочими! На крупных северных стройках было сосредоточено от 10 до 19 тысяч работающих, от 16 до 60 лет!

5. Поляки в Котласе: рабский труд в нечеловеческих условиях

Живя в городе Котласе столько лет, я только сейчас узнал, что он был не только пересыльным пунктом, но и прямым спецпоселением поляков! Благодаря общественным движениям «Котласская Полония» и «Совесть» в двух котласских школах созданы музеи памяти замученных поляков. Самое главное, до сих пор активистами ведется поиск хоть каких-то связующих нитей с тем страшным прошлым! Участниками клуба «Чтобы помнили» в нашей школе были записаны воспоминания участников событий, собраны фото, осуществлены исследования истории строительства железной дороги Пинюг - Усть-Сысольск, разработаны экскурсии и налажены связи с родственниками погибших поляков. Все для того, чтобы память о них осталась в сердцах их внуков и правнуков! Ком в горле и какое-то необъяснимое чувство, наверное, все-таки чувство вины, - я читаю, и снова перечитываю Историю (только с большой буквы!) строительства железнодорожного моста через Малую Северную Двину! И это было здесь - где живу я! Строили мост почти 30 тысяч рабочих! [11]. Это были люди разных национальностей. Селили их в бараки и подвалы, и даже ставили палатки на берегу Малой Северной Двины, и это зимой. Неудивительно, что люди умирали от воспаления легких, а также от дистрофии и дизентерии. Голод и холод, и никакого просвета! Это были поистине рабские условия труда и проживания. Отработав по 12-14 часов в день, в мокрой одежде и дырявых сапогах, изнуренные люди шли в очередь, где отстаивали еще 6 часов [11], чтобы получить баланду, которая варилась из иван-чая с таким количеством картофеля, что тот, кто находил лишь маленький

его кусочек, безумно радовался такой находке [12]. Затем волочились в промерзший барак и валились без сил. Спустя лишь несколько часов вставали и снова шли в этот ад. «Они шли на работу - колонна глазом не окинешь, а с работы - шла только 1/3. Умерших складывали на подводы, которые тащили следом, а потом в ящики и в воду!» - вспоминает М. Ефимовская [11]. «Обед привозили прямо на объект, - вспоминает Николай Ан,- там на подмостях моста и ели, и как-то они не выдержали, люди, лошади - все полетело вниз, в реку. Сколько погибло тогда - не считал никто. Жизнь человеческая не ценилась...» [11]. С каждым новым документом я понимаю, что выяснить число поляков, живших хотя бы в Котласе, - не получится.

6. Последние эшелоны

Пятая и последняя волна спецпереселенчества относится к концу 1944 - началу 1945 годов. Вывозили главным образом в районы Центральной Сибири, Алтайский край, на Север. Тогда в Ленский район прибыли по Печорской железной дороге два эшелона семей, высланных из Западной Украины и Западной Белоруссии. В пути эшелоны бомбили немцы. Они обвинялись в том, что жили на территории, оккупированной Германией, и выступали пособниками оккупантов. Из воспоминаний В.И.Левчука: «А какими пособниками? Что хлеб и масло отдавали, так жизнь моих детей мне дороже была! Немцам давали, русским давали, потом снова немцам, потом партизанам, а потом - на сборы 2 часа и на выселение. Ехали и плакали, север для нас, южных людей - адом представлялся! Так и было! Боролись там за каждый день жизни, помогали земляки, но они бы, то нас еще бы меньше выжило!» «Ненавидели нас сильно, обзывали западниками, власовцами, бандеровцами, - вспоминает М.Д. Венгран, - старики, те еще ничего, а молодым лучше не попадайся! И плевали, и камни в нас бросали! А за что?!» [10]. В кампаниях по переселению финалом явилось Соглашение между СССР и Польшей от 6 июля 1945 года о праве на выход из советского гражданства лиц польской и еврейской национальностей, проживавших в СССР, и об их эвакуации в Польшу. А также постановление ЦК КПСС, принятое в январе 1956 года, о снятии ограничений по спецпоселению с лиц польской национальности. Всего, по данным АЛ. Вышинского, из присоединенных к СССР в результате пресловутой аннексии территорий были выселены 388 тысяч человек. Эти данные подтверждаются справками НКВД и конвойных войск. По приказу командующего польской армией на Востоке был проведен опрос бывших военнопленных в СССР, который установил существование 138 лагерей для военнопленных [13]. Из них на территории Польши - 90 мелких временных лагерей, а на территории СССР: от подмосковной Малаховки до Мурманска, по всей Архангельской области и многочисленным лесным поселкам Коми АССР - 48 огромных лагерей [13]. Большинство лагерей польских военнопленных в СССР предназначалось для производства работ, связанных с военными нуждами [13]. Женевская конвенция в специальном разделе (ст. 31—32) оговаривает запрещенные для военнопленных виды работ - те, которые связаны с ведением войны или же с нездоровыми и опасными для жизни условиями. Военнопленным в СССР приходилось работать в

условиях, полностью противоречащим постановлениям Женевской конвенции. На работу посылали не только физически здоровых (ст. 27—30), но также слабых и больных [13]. Рабочий день доходил иногда до 16-18 часов, выходных почти не было. Пять крупных бригад из лагерей в Донецком бассейне и в районе Кривого Рога работали в шахтах по добыче угля и железной руды [13]. Но до Донецка, Кривого Рога и других городов, в которые этапировали поляков, нужно было еще добраться живым. Никто не знает, для скольких военных первый период (начало плена, когда все военнопленные попали в совершенно неподготовленные лагеря, проходили через исключительные мытарства и испытывали хронический голод) стал последним днем жизни! Тогда только здоровые и сильные могли выжить, а раненые и больные поголовно умирали. Сейчас на месте одного из таких лагерей в Урдоме находится большое кладбище с безымянными могилами. Кто знает, сколько десятков, а может и сотен поляков покоится там. Польские военнопленные в СССР, не только офицеры, но и рядовые, были лишены основных прав, принадлежащих каждому военнопленному, не совершившему преступления. Здесь советский подход резко противоречит положениям Женевской конвенции. Именно невыполнение СССР ст. 8 Женевской конвенции («...о немедленном уведомлении взятых в плен военнослужащих...»), сделало невозможным установить точное число польских военных и по сей день. А сколько польских военнопленных погибло в советских шахтах и рудниках, сколько стало инвалидами - советские власти не только не пытались помочь прояснить обстановку, но и скрывали количество умерших и искалеченных. Можно ли относиться с политическим доверием к тому руководству страны, которое на запрос, сколько польских военнослужащих попало в советский плен, предоставила совершенно официальные данные, в цифрах коих оказалось меньше всего 10 процентов того количества военнопленных, на которых польская сторона располагала достоверными цифрами?! А именно - 1500000 человек.

Заключение

Даже по прошествии нескольких десятилетий сердца поляков-мучеников, оставшихся в живых, их детей и внуков долго будет беречь кровотокающая их сознание рана. Но, «да преобладает разум над чувствами», - сказал один философ. Я полностью согласен с господином Раковским, который пишет, что Польша должна быть нашим партнером. И не только потому, что сделала огромный вклад в научные открытия и развитие Сибири, а также в советскую культуру, а потому, что эта маленькая страна пережила чудовищную трагедию, потеряв 1500000 своих граждан! На нашей земле покоятся тела их солдат, а на польской земле - тела 600 тысяч русских солдат! Разве этими страшными узами мы не связаны навеки? Из поколения в поколение передается память о солдате, как в польских семьях, так и в русских. Мой дед был приговорен к 20 годам лишения свободы, всю свою молодость он провел в лагере под Интой, и все эти годы дружил с поляком и немцем, они переписывались даже после войны. Уже больше 15 лет его нет в живых, но я, его внук, вправе заявить: если они тогда стояли плечом к плечу - украинец,

немец и поляк, так чего же мы делим с вами сейчас? Не нашей ли с вами задачей является сохранение тех отношений, которые сложились между нашими народами, а не между руководителями государств?! Народ должен определять политику. А вот заставить власть слушать народ - это и есть наша с вами одна из главнейших задач.

Источники и литература:

[1-7]: *Секретные документы* (www.rau.su/observer/N10-1194/18.htm):

1. Записка Г. Ягоды «Заместителю председателя СНК Союза ССР тов. ЧУБАРЮ В.Я» от 25 января 1936 г.
2. Постановление Совета Народных Комиссаров от 28 апреля 1936 г. № 776-120.
3. Положение о спецпоселениях и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР.
4. Справка начальника Отдела транспортных перевозок Главного управления лагерей НКВД СССР ст. лейтенанта М. Конрадова на имя Л.П. Берии «О приеме и расселении осадников».
5. Положение о спецпоселениях и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР. № 2122-617сс.
6. Из письма начальника сектора по вопросам НКВД СССР П. ИВАНОВА тов. ВЫШИНСКОМУ А.Я.
7. Из доклада НКВД СССР комиссара госбезопасности 1 ранга Л.Берии ЦК ВКП(б) тов. Сталину, СНК СССР тов. Молотову.
8. Воспоминания К.М. Чувашевой, собранные Ю.О. Угрюмовой 13 марта 1999 года. Из архива Ю. О. Угрюмовой, <http://www.varensk.narod.ru/diplom/p3.html>
9. О. Угрюмов, Нянда/Правда Севера. - 2000 - 5 окт.
10. <http://www.varensk.narod.ru/diplom/p3.html> / Воспоминания В.И. Левчука, М.Д. Венграна.
11. История строительства железнодорожного моста через Малую Северную Двину/ Г. Сергеева/ Музей школы №4.
12. Воспоминания Золотаря М. К.
13. Юзеф Мацкевич «Катынь». Ч.3, «Приложения». Прил. № 3.